

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-375-383

УДК 821.161.1

РАЗМЫШЛЯ О ЛИЧНОСТИ И. БРОДСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПОМИНАНИЙ КАРЛА ПРОФФЕРА)

Л.А. Колобаева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Москва, Россия, 11991

Автор статьи ставит своей целью — на основании мемуарных свидетельств К. Проффера — выделить в жизни и в личности И. Бродского некоторые важнейшие моменты. Это анализ нравственных и идейных императивов поэта, отношение к «красному», социалистическому, как решающий оценочный критерий поэта, проявившийся долгие годы в резкости его оценок писателей-современников; *потрясенное* сознание Бродского в изгнании, особенно в начале; высокая значимость в жизни и в творчестве поэта *истории любви* — чувства «*невероятно сильного и долговечного*». Все это, в целом, свидетельствует о Бродском как о личности трагической судьбы и неповторимой оригинальности.

Ключевые слова: Бродский, споры, общение, «взгляды», изгнание, оценки

Личность, душа человеческая, как давно известно, — «тайна сия велика есть...». Личность *поэта* — в особенности. Но от искушения не уйти, и попробуем подступиться к «тайне» с помощью людей, близко знавших Иосифа Бродского. В последние годы у нас вышло несколько мемуарных книг о нем — Л. Штерн, Эллендеи Проффер, Карла Проффер и др. Книга Карла Проффера «Без купюр» (М., 2017), с пометой на обложке: «Первая публикация воспоминаний об Иосифе Бродском», — появилась у нас только что, и это достойное внимания событие. Американские слависты Карл Проффер и его жена Эллендеи Проффер — основатели известного издательства «Ардис» (1971), организованного с целью издавать русскую литературу — «публиковать то, что не могло быть опубликовано в Советском Союзе» [1. С. 14].

Слова Эллендеи Проффер — «мысли наши были заняты Россией и нашей работой для России» [1. С. 14] — вызывают несомненное уважение, как и доверие. Книга К. Проффера «Без купюр» (М., издательство АСТ, 2017) посвящена воспоминаниям не только об Иосифе Бродском, но и о «литературных вдовах России» — Надежде Мандельштам, Елене Сергеевне Булгаковой, Любви Евгеньевне Белозерской, Лиле Брик и Татьяне Ивановой. Написано все это захватывающе интересно, умно и точно. И тем более волнующе, что последние страницы этих воспоминаний писались Карлом Проффером за несколько месяцев до его смерти, в 1984 году. Здесь пойдет речь только относительно «Заметок к воспоминаниям об Иосифе Бродском».

Первоначальным поводом поездок Профферов в Россию, еще в Советский Союз, был живой интерес Эллендеи к Булгакову, творчеством которого она занималась как предметом своего исследования, ставшим потом главным героем ее книги. Знакомство Карла и Эллендеи Проффер с Бродским переросло в отношения дружеские, доверительные и теплые. Именно Карлу Профферу был обязан Бродский встречей в 1972 году в Вене, в острый момент первой встречи поэта с Европой. Он был обязан ему и как человеку, который взял на себя нелегкие, затянувшиеся, хлопотливые переговоры с бюрократией по поводу визы в США, а потом и заботы по устройству Бродского преподавателем Мичиганского университета в Энн-Арборе. И, конечно, главная заслуга Карла и Эллендеи Профферов — это публикация стихов Бродского в Америке, в Энн-Арборе, в созданном ими издательстве «Ардис», начиная с первой публикации за границей, вывезенной Карлом Проффером из России рукописи поэмы Бродского «Горбунов и Горчаков» в 1971 году, еще до его отъезда из России. Вот как об этом вспоминал К. Проффер:

«Когда мы вышли от Андрея [Андрея Сергеева, переводчика, друга Бродского — Л.К.] после этого долгого вечера, полного стихов и политики, Иосиф отдал мне законченную рукопись поэмы «Горбунов и Горчаков». Нам предлагалось прочесть ее и тайком вывести за рубеж. С нее и начались наши публикации самиздата в Энн-Арборе» [1. С. 213].

А первая встреча Профферов с Бродским «состоялась 22 апреля 1969 года», в квартире поэта. Вот как описывается впечатление об этой встрече в «Заметках»:

«В ту первую встречу мы не знали, чего ожидать, и он тоже, но очень быстро почувствовали взаимное расположение. Меня тронули его обаятельная улыбка и смущение — он явно старался сказать или сделать что-нибудь такое, чтобы развлечь нас, как полагается хорошему хозяину. Он был симпатичный с ярко-голубыми глазами и редящими рыжими волосами. Его движения были энергичны и порывисты, речь сбивчива <...>» [1. С. 202].

«Он умел смеяться практически над чем угодно, включая себя. По крайней мере, когда он бывал один или с кем-то наедине, за поэтическими рассуждениями о добре и зле, жизни и смерти всегда ощущалась глубокая скептическая подкладка. Нам это нравилось, и он показался нам весьма привлекательным, таким модно-современным в хорошем смысле. Очень скоро мы почувствовали к нему настоящее доверие» [1. С. 203].

В воспоминаниях Проффера, хотя они так и остались неоконченными, запечатлены верно «схваченные» им некоторые важные моменты в жизни Бродского и характерные для него личностные реакции поведения — «идейные» споры с друзьями в России, появление поэта в Вене и первые его реакции на знакомство с Западом, эпизоды общения с людьми в группах и наедине с друзьями, первые сложности жизни в изгнании, острота оценок Бродского писателей-современников, история любви поэта и др.

Так, весьма примечательны наблюдения К. Проффера о Бродском в момент споров, в которых выразительно проявлялась живая энергия и подвижность его мысли, яркий темперамент и взрывная страстность, — свобода независимой индивидуальности. Мы узнаем и о его «хроническом неумении общаться с людьми

в группе», что было «причиной частых размолвок Иосифа с друзьями» [1. С. 240]. «Хотя это нельзя назвать правилом без исключений, Иосиф не проявлял — и не проявляет — себя с лучшей стороны, попадая в большие коллективы (выступления на публике не считаются). В пестрой компании он обычно демонстрировал свои худшие качества — бестактность, задиристость и полное неуважение к чувствам и мнениям остальных; этому найдется множество свидетелей по всей Северной Америке. При этом близко сходить с людьми Иосиф тоже всегда умел как никто. Один или в обществе двух-трех знакомых он обычно бывает очень хорош — спокоен, открыт и красноречив» [1. С. 240—241]. Карл Проффер видит в поэте прежде всего человека-«одиночку», — индивидуалиста, как сам Бродский, говоря о себе, это определял.

В горячих спорах, о которых вспоминает Проффер в «Заметках», открываются взгляды, убеждения, нравственные императивы Бродского. Характерен, например, эпизод, (один из тех «студенческих разговоров», которые повелись в России, по словам друга поэта Томаса Венцлова, еще «со времен декабристов»), когда Бродский со свойственной ему горячностью отстаивает мысль, что *справедливость* важнее искусства. Он утверждал: «И все равно справедливость важнее искусства, важнее всех пушкиных и набоковых. Новые пушкины и набоковы обязательно еще родятся, а вот справедливость можно будет найти не всегда» [1. С. 239]. Иосиф убежден также в том, что «в искусстве важнее всего *идеи*» [1. С. 238].

И тут неслучайно намечаются некоторые расхождения с Карлом Проффером, и это, на взгляд автора, весьма показательно. Споры, как рассказывает мемуарист, были принципиальными, «а мы нередко убеждались, что в России подобные разногласия могут положить конец даже настоящей дружбе. Итог мог быть разным, от полного молчания до решения никогда больше не видеться друг с другом, но мы заметили, что здесь такие споры происходят гораздо чаще, чем у нас на родине. В очередной раз нам дали понять, *насколько слабо развита у русских идея терпимости* и насколько мы, наивные и уверенные американцы, от них отличаемся» [1. С. 240]. «Русские не хотели согласиться с тем, что *самое незначительное в человеке — это его взгляды*» [1. С. 240].

На этом стоит остановиться. На взгляд автора статьи, можно согласиться с К. Проффером, что у русских недостаточно развита «идея терпимости» — и в теории, и на практике, в повседневном человеческом общении (уж не говоря о торжествующем у нас духе «нетерпимости» в последние годы). Но трудно признать заявленную им идею о *незначительности взглядов* человека вообще («самое незначительное в человеке»). Можно предположить, что в тех обществах, где существование человека длительные годы относительно устойчиво и благополучно, значимость «взглядов», их различий и активности в самом деле сокращается. Но она не может не возрастать в своей цене и значении в те времена и там, где разноликость взглядов в обществе, как правило, нивелируется, стирается, но резко усиливается в порядке индивидуальных и исключительных отклонений от правила. А на последнее, собственно, и ориентированы люди, причастные к поэзии, искусству, как разумеется, и само искусство. И надо признать, подобное состояние общества было весьма характерным для многих периодов в истории России. Советская эпоха, которую надо изначально иметь в виду, когда речь заходит о

Бродском, это обстоятельство усугубляла. Потому вполне понятна и вызывает уважение страстная энергия поэта, когда он утверждал: «В искусстве важнее всего идеи» [1. С. 238], — истину, отнюдь не бесспорную и не всегда исповедуемую писателями русской литературы XX века. Но здесь возникает и особый случай, когда отстаиваемые поэтом «взгляды» приобретают некий безусловный, аксиоматический характер, окрашиваясь претензией на абсолютную, неоспоримую истинность. В книге Карла Проффера воспроизводится яркий эпизод спора Иосифа Бродского с Чертковым: «Иосиф спросил, действительно ли *лучше быть мертвым, чем красным*, и сам же ответил: «Да». Все остальные сказали, что нет» [1. С. 237].

Подобная, романтически освещенная, альтернатива как некий высший оценочный критерий окрашивала сознание поэта, видимо, долгие годы, если не всегда. И именно она, на взгляд автора, во многом определяла отношения Бродского с окружающими людьми, друзьями и недругами, писателями-современниками. Именно здесь, а не в «профессиональной ревности» [1. С. 248], не только в духе соперничества (хотя исключать это полностью тоже нельзя, что подтверждается некоторыми свидетельствами мемуариста, например, относительно оценок Бродским Набокова или Ахмадулиной) — следует искать объяснение непримиримой резкости его критических высказываний и оценок в адрес Евтушенко, Вознесенского, в истории его отношений с Аксеновым и др. Бродский никогда, ни в России, ни в Америке не прощал никакого, пусть тайного, запрятанного свечения «красного», — коммунистического, «советского», вольных или невольных подделок под него в творчестве современников. Больше того, этот момент по-своему присутствует в оценке сложнейших случаев, например, в отношении к Солженицыну. Значение его творчества оценивается Бродским, в конце концов, по высшей шкале ценностей. По его словам, в одном из интервью 1982 года, Солженицын «сумел открыть столько правды, сумел *сдвинуть мир с прежней точки...*» [2. С. 85]. Вместе с тем, «красное», коммунистическое» начало как источник зла и насилия в произведениях Солженицына представлялось поэту преувеличенным в своем значении, поскольку истоки тоталитаризма Солженицын усматривал именно в нем, а не в самой *природе человека*, как полагал Бродский. И, видимо, это давало поэту основание для жестких, по сути необъективных, критических суждений в адрес писателя. Вот одно из них, высказанное Бродским еще в России и зафиксированное Карлом Проффером в его «Заметках»: «Что же до современной русской прозы, то он осудил Солженицына, назвав его сочинения просто-напросто апофеозом социалистического реализма...» [1. С. 209].

Сама форма воспоминаний в книге, сдержанная и строгая, свободная от желания расшифровать и объяснять оценивать происходящее, тем не менее нацеливает читателя на те или иные оценки поведения героев самим выбором и выделением в тексте каких-то эпизодов. Так, несомненно очень важен эпизод встречи К. Проффера с Бродским 5 июня 1972 года в Вене. Знаменательно подчеркнута *детальное* описание первых, проведенных здесь дней, включая план внешний и бытовой — покупки для Иосифа «осчастливившей» его новой одежды, посещения «отчаянно дорогого» ресторана, когда Карл Проффер «с удовольствием шокировал» своего друга «роскошью и пороками прогнившего Запада» [1.

С. 272]. Вот воспоминание о первых минутах встречи: «Было воскресенье <...> самолет сел более-менее вовремя, в 5.35. Когда автобус подъехал к зданию, я увидел Иосифа за окном, и он меня увидел. Он показал два пальца буквой V <...> Я сел с ним в такси, в пути он *нервно повторял* одну и ту же фразу: «*Странно, никаких чувств, ничего...*» — немножко как *сумасшедший* у Гоголя» [1. С. 261—262]. И далее:

«Наши венские хозяева были *озадачены*. Конечно, они многое повидали в этом городе, но в “Бельвью” нечасто снимали номер двое мужчин — один с американским паспортом, другой с какими-то странными, невразумительными русскими документами. С учетом того, как *трудно было Иосифу справиться с обилием и разнообразием новых впечатлений*, хорошо, что я не выбрал более изысканное место» [1. С. 262—263].

«Иосиф *никак не мог привыкнуть к странностям* нового мира, они еще долго не переставали его удивлять и потом, в Америке. Он часто крутил пальцем у виска, как бы показывая, что *сходит с ума*» [1. С. 265].

«*Изгнание* стало для Иосифа *потрясением* <...>» [1. С. 270]. Мотив потрясенного, «немножко *сумасшедшего*» состояния в эпизодах знакомства Бродского с Западом автору представляется необычайно показательным, потому что он, по сути, намечает единственно верный *тон* в нашем понимании Бродского-изгнанника, путь которого иногда видится (в свете его блестящего, прославленного финала) на редкость удачным, как благая случайность судьбы, одарившей его поэтической «биографией» и наивысшим признанием. Но важно помнить, что этот путь, путь изгнания, при всех видимых и разнообразных удачах и успехах личности, — путь, потребовавший от поэта отчаянно трудной и во многом трагической, внутренней метаморфозы. Стихотворение Бродского к сорокалетию — «Вместо дикого зверя я входил в клетку...» (1980), которое литературоведы верно считают лирической автобиографией, — одно из неоспоримых тому свидетельств. И трудности изгнанника, окрашенные состоянием *потрясения*, могли начинаться встречей с *непониманием* по отношению к нему, непониманием самого разного рода.

Это обстоятельство тоже намечено в книге, когда изображается, казалось бы, совершенно неожиданное и невероятное непонимание, оказавшееся, правда, недоразумением. Это первая, неудавшаяся, встреча Бродского с боготворимым им Оденем. Вот как описывается эта встреча: «Мы подождали и наконец увидели, как через поле со стороны железнодорожной станции неторопливо шагает пожилой человек.

Подойдя к Одену, я увидел на его лице испуг, — ясно, что немало охотников до знаменитостей осаждало его в жизни, даже в этом отдаленном убежище. Отгоняя меня взмахом ладони, он сказал: «Нет, я занят сейчас». Насколько мог сжато, я объяснил ему, кто я такой и кто такой этот рыжий поэт позади меня и какие необычные обстоятельства привели сюда русского. Он не слушал или не понял, продолжая отмахиваться от нас, как от назойливых насекомых, и Иосиф, покраснев, тянул меня прочь. Я, однако, повторил объяснение на языке «я Тарзан, ты Джейн». В конце концов Оден понял, что это Бродский из России, которого он переводил и более или менее хвалил. Тогда он все-таки пригласил нас в дом.

Но тут не знал, что делать дальше» [1. С. 274]. Уезжая отсюда, «Иосиф проворчал, что возвращаться сюда вообще незачем: Оден *ничего не понял*» [1. С. 274]. Недоразумение позже, разумеется, снимается — в поездке Бродского вместе с Оденом в Англию, на конференцию европейских ученых и литераторов.

В 1977 году Бродский в стихотворении на далеком от современности китайском материале — «Письма династии Минь» (1977) — со всей остротой воспроизвел томившую человека «заразу *бессмысленности*» жизни в *изгнании* [3. Т. 2. С. 54]. Прав, разумеется, мемуарист, когда он находит нечто подобное в поведении, в состоянии поэта-изгнанника: «Изгнание стало для Иосифа *потрясением*, вызвавшим *реакцию — гнев /.../*» [1. С. 270]. Тот гнев, когда Бродский начинал клеймить все и вся, начиная с именитых, — Евтушенко и Вознесенского. Об этом рассказывает К. Проффер на последних страницах своих заметок, прерванных, к сожалению, его смертью.

В стихотворении «Новая жизнь» (1988), подытоживающем первую, наиболее сложную полосу жизни в Америке, показано, во что выливается преодолеваемое «потрясение». В начале звучит драматическое признание, горестный итог всей предыдущей жизни — она окончена, и «*жизнь нужно начать сначала*» [3. Т. 2. С. 113]. Ткань стихотворения насыщается картинами зловещих стихийных сил:

Жизнь начинается заново именно так — с картин
изверженья вулкана, шлюпки, попавшей в бурю.
С порожденного ими чувства, что ты один
смотришь на *катастрофу /.../* [3. Т. 2. С. 113]

Через *вещные* детали в этом стихотворении и сопоставление с ними создается образ человека, как *вещь*, выброшенного за борт жизни, — человека «*лишнего*», «*постороннего*». Горько и иронично звучит вместе с тем признание *вины* поэта, что он «уцелел» в «прекрасную эпоху», в пору катастроф, когда «язык пламени» пожирал «лучших», — уцелел потому, что в нем было «мало тепла», «мало проку».

Биографическое, реальное основание *катастрофы* сам Бродский точно определил в беседе с Е. Рейном: «Самое замечательное в том, что случилось, — я имею в виду не нобелевку, а отъезд, перемены и т.д. — это что меня *абсолютно вырвало из контекста*. И тут уж ты себе врать ничего не станешь, ничего не станешь воображать. Ты понимаешь, что, в общем, «из всех детей ничтожных света...» /.../ «ты всех ничтожней...». И при всем том ты оригинальная фигура, запятая в какой-то огромной книге... То есть — *никто...*» [2. С. 423—424].

Вот эта полная вырванность из жизненного «контекста», разрыв устойчивых человеческих связей, и стали определяющими в самосознании и, нередко странных, формах проявления личности Бродского после его отъезда из России. Как обнаруживается уже в его творчестве, нарастающий мотив *пустоты* не сразу заполнялся и компенсировался в его поэзии символами *метафизического смысла*. Поначалу же он был драматическим знаком личного опустошения, мучительного переживания состояния некоей своей собственной *невесомости*, невостремленности и ненужности. Неслучайно возникали и множились известные образы-негативы в его искусстве: «*Никто*», «*Ниоткуда с любовью*» и т.д. Подобный пси-

хологический рисунок личности поэта отчасти намечается в восприятии и мемуарных заметках К. Проффера.

Пребывание в Америке, разумеется, дало Бродскому и неоценимый, позитивный жизненный опыт, ставший источником его новых поэтических открытий. Подобно ученым, которые смогли увидеть другую сторону Луны, поэт увидел другую сторону бытия современного человечества и по-своему, критически и художественно проникновенно, запечатлел в поэзии «две модели» человеческого существования. Если сопоставить «Конец прекрасной эпохи» (1969) и «Колыбельную Трескового мыса» (1975), то можно обнаружить, что в этих, казалось бы, несоизмеримо противоположных сферах жизни — в «аду» «прекрасного» мира и в «раю» «Колыбельной», поэт находил черты поразительного сходства, признаки остановки времени («ибо часы, чтоб в раю уют // не нарушать, не бьют!» [3. С. 376]), «тупика» и «конца перспективы». И это были выношенные им, скептически окрашенные, историко-философские прогнозы будущего человечества. Но размышление об этом уже выходит за пределы интересующих нас мемуаров.

В мемуарах нельзя не выделить еще один замечательный сюжет — сюжет «М.Б.». Это сюжет Марины Басмановой — любви Бродского, матери его сына Андрея, адресата бесчисленных посвящений его стихов, героини его стихотворного цикла «Новые стансы к Августе» (1983), который охватывает по времени двадцатилетний период их отношений, 1962—1982 годы.

В мемуарных «Заметках» говорится: «Судя по тому, что рассказывал нам Иосиф тогда и после, в его жизни не было более важной фигуры, чем Марина Басманова» [1. С. 221]. «Иосиф то и дело повторял нам, какая она замечательная. Она не только умна и оригинальна (другие говорили, что она умна и непрактична), но еще и прекрасный художник-график» [1. С. 224].

Из воспоминаний узнаем о встрече Профферов с Мариной в России, единственной встрече «на нейтральной почве, в ленинградском парке», оставившей в их памяти сложное впечатление: «Она понимала, что мы сыграем свою роль в отъезде Иосифа за границу, мы это чувствовали, а ей, думаю, не хотелось, чтобы он уехал. Она была как собака на сене и очень держалась за свою власть» [1. С. 224]. Тем не менее мемуарист со всей присущей ему объективностью подчеркивает исключительную значимость Марины Басмановой в жизни поэта и необыкновенную силу его чувства к ней: «Чем бы это не объяснялось, чувство, которое Иосиф питал к этой женщине, было *невероятно сильным и долговечным*. Это показывает один из самых странных и поразительных эпизодов его позднейшей жизни в Америке» [1. С. 225]. И дальше следует воспоминание об этом эпизоде: «Однажды вечером в октябре 1981 года мне позвонил Иосиф и сказал, что хочет попробовать жениться! Иосиф был на какой-то важной политической конференции в Канаде и там, 48 часов назад, увидел женщину, точную копию Марины. Он был ошеломлен» [1. С. 225]. «Я спросил его, сделал ли он предложение, и он ответил»: «Я высказал идею, и она не была ужасно против». Но она, журналистка, голландка, «уезжала обратно в Голландию, и он собирался за ней» [1. С. 226]. Попытка жениться, правда, не удалась, но решимость на брак через 48 часов после знакомства с женщиной — только потому, что она удивительно похожа на Марину, — в самом деле, красноречива.

В истории любви Бродского, как и в его поэзии, несомненно проявлялись черты необычности, исключительности его личности. Вчитываясь, скажем, в «Новые стансы к Августе», узнаем в лирическом герое самого поэта и убеждаемся: он — из тех редкостных, гениальных натур, которые наделены даром такой всепоглощающей страсти, которая не может повториться в одной человеческой жизни, любви столь всеохватывающей силы и глубины, что «существование» другого человека, любимого, способно заполнить, «заменить собой весь мир» [3. Т. 1. С. 165]. Это любовь, которая озадачивает самого человека и порой представляется ему реликтом какой-то исчезнувшей, доисторической поры. Недаром в некоторых стихах Бродского о любви, авторское отношение к лирическому герою, окрашенное самоиронией и нотой удивления, сквозит в ассоциативном сближении образа героя с *динозавром*.

В заключение добавим к этому следующее. В стихотворении, близком по времени написания к «Новой жизни», — «Кончится лето. Начнется сентябрь. Разрешат отстрел...» (1987), где идет речь о «второй жизни» как старости, есть загадочная строка: «... Другие, кому уже *выпало любить что-то больше, чем жизнь...*» [3. Т. 2. С. 115]. Вдумываясь в эти строки, автор статьи укрепляется в том понимании, что Бродскому действительно *выпало* любить нечто больше, чем собственную жизнь. Почувствовать это ему было дано в любви, в ее испытаниях. Этим *большим, чем жизнь*, навсегда для него оставалось *творчество, поэзия*, как и сама *любовь*.

Так, в незаконченных, коротких, — всего на сто страниц, — «Заметках к воспоминаниям об Иосифе Бродском» дружеским и пронизательным чутьем Карла Проффера угадываются в поэте черты свободной индивидуальности, человека одновременно трагической и счастливой судьбы, неумной страстности и подвижности духа, портрет которого пленяет нас бесстрашием, честностью, верностью самому себе и поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Проффер Карл. Без купюр. Литературные вдовы России. Заметки к воспоминаниям об Иосифе Бродском / пер. с англ. В. Бабкова и В. Голышева. М.: Изд-во АСТ, 2017. 283 с.
- [2] Бродский Иосиф. Большая книга интервью. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Захаров, 2000. 703 с.
- [3] Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 1, Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Изд-во «Вита Нова», 2011.

© Колобаева Л.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 апреля 2017

Дата принятия к печати: 22 апреля 2017

Для цитирования:

Колобаева Л.А. Размышляя о личности И. Бродского (на материале воспоминаний Карла Проффера) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 3. С. 375—383. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-375-383

Сведения об авторе:

Колобаева Лидия Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация:* e-mail: l.a.kolobaeva@gmail.com

**MEDITATING ON THE PERSONALITY OF J. BRODSKY
(ON THE MEMORIES OF KARL PROFFER)**

L.A. Kolobaeva

Moscow Lomonosov State University
Leninskiye Gory, 1-st building of Humanity faculties, Moscow, Russia, 11991

The aim of the author is to emphasize in the life and personality of J. Brodsky some important moments based upon memories of K. Proffer. Analysis of poet's moral statements is being made, as well as his attitude to the "red" socialist as a dominant evaluative criteria, manifested in his assessments of contemporary writers. The analysis reveals choked consciousness of Brodsky in exile as well as high importance of his history of love — "feeling incredibly strong and long". All these points witnesses that Brodsky was a personality tragic destiny and unique originality.

Key words: Brodsky, arguments, communication, point of view, exile, assessments

REFERENCES

- [1] Proffer Carl. Bez kupyur. Literaturnye vdovy Rossii. Zametki k vospominaniyam ob Iosife Brodskom [Without denominations. Literary widows of Russia. Notes to the memories about Josef Brodsky]. Translated from English by B. Babkova and V. Golsheva. M.: ACT Publishers, 2017. 283 p.
- [2] Brodsky Josef. Bolshaya kniga intervyyu [Big book of interview]. Second edition. Moscow: Zakharov Publishers, 2000. 273 p.
- [3] Brodsky Josef. Stikhotvoreniya i poemyy [Verses and poems]. Vol. 1, 2. SPb.: Pushkinskiy Dom Publishers, 2011.

Article history:

Received: 2 April 2017

Revised: 22 April 2017

Accepted: 28 April 2017

For citation:

Kolobaeva L.A. (2017) Meditations on the personality of J. Brodsky (on the memories of Karl Proffer). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 375–383. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-375-383

Bio Note:

Kolobayeva Lidia Andreyevna, doctor of philological sciences, professor of Department of Modern Russian literature and literary process Moscow Lomonosov state university. *Contacts:* e-mail: l.a.kolobaeva@gmail.com